

GEOPOLITICAL RIVALRY BETWEEN THE UNITED STATES AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN CENTRAL ASIA: CHALLENGES AND PRIORITIES OF UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Leylo Allayorova

Doctoral Candidate

Tashkent State University of Oriental Studies

l.allayorova@gmail.com

Tashkent, Uzbekiston

ABOUT ARTICLE

Key words: United States, China, Central Asia, Uzbekistan, geopolitics, foreign policy, strategic rivalry.

Received: 25.12.25

Accepted: 26.12.25

Published: 27.12.25

Abstract: The article examines the rivalry between the United States and the People's Republic of China in Central Asia and its impact on Uzbekistan's foreign policy priorities. Political, economic, infrastructural, technological and humanitarian dimensions of great-power competition are analyzed. The research is based on comparative analysis and a structural-functional approach. The study concludes that Uzbekistan pursues a pragmatic multi-vector foreign policy aimed at preserving sovereignty while using external competition as a resource for national development.

AQSH VA XITOIY XALQ RESPUBLIKASINING MARKAZIY OSIYODAGI GEOSIYOSIY MANFAATLARI: O'ZBEKISTON TASHQI SIYOSIY STRATEGIYASINING CHAQIRIQLARI VA USTUVOR YO'NALISHLARI

Leylo Allayorova

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti doktoranti

l.allayorova@gmail.com

Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: AQSh, Xitoy, Markaziy Osiyo, O'zbekiston, geosiyosat, tashqi siyosat.

Annotatsiya: Maqolada AQSh va Xitoy Xalq Respublikasining Markaziy Osiyodagi raqobati hamda ushbu jarayonning O'zbekiston tashqi siyosiy ustuvor yo'nalishlariga ta'siri tahlil qilinadi. Tadqiqotda siyosiy, iqtisodiy, infratuzilmaviy,

texnologik va gumanitar omillar yoritilgan. Tadqiqot qiyosiy tahlil va strukturaviy-funksional yondashuvga asoslangan. Xulosa sifatida O‘zbekiston kuchlar raqobati sharoitida suverenitetni saqlashga va tashqi imkoniyatlardan ichki rivojlanish manfaatlari yo‘lida foydalanishga qaratilgan ko‘p vektorli siyosat yuritayotgani asoslab beriladi.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО США И КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ УЗБЕКИСТАНА

Лейло Аллаёрова

Докторант

Ташкентского государственного университета востоковедения

l.allayorova@gmail.com

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: США, Китай, Центральная Азия, Узбекистан, геополитика, внешняя политика, стратегическое соперничество.

Аннотация: В статье анализируется соперничество Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики в пространстве Центральной Азии и его влияние на формирование внешнеполитических приоритетов Республики Узбекистан. Рассматриваются политические, экономические, инфраструктурные, технологические и гуманитарные аспекты конкуренции двух мировых держав. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, структурно-функциональный подход и элементы политико-экономического анализа. Делается вывод о том, что Узбекистан в условиях усиления геополитической конкуренции реализует прагматичную многовекторную стратегию, направленную на сохранение суверенитета и использование внешних возможностей для внутреннего развития.

Введение. Центральная Азия (ЦА) по-прежнему занимает ключевое место в стратегии ведущих мировых держав благодаря своему географическому положению, богатым природным ресурсам и потенциальной роли транзитного коридора между Азией и Европой. Из-за «удобного геополитического положения» региона, большого населения и перспектив

превращения его в новый экономический хаб страны Запада, России и Китая проявляют растущий интерес к Центральной Азии. В 2022–2025 гг. конкуренция в регионе обострилась: США активизировали дипломатические форматы (например, диалог C5+1) и проекты по освоению критических минералов, а Китай масштабирует инициативы «Пояс и путь», включая транспортные и энергетические инфраструктурные проекты (железные дороги, газопроводы, цифровые сети). На фоне этих процессов Узбекистан как крупнейшая страна региона проводит политику многовекторного баланса, заявляя о соблюдении неприсоединения к военным блокам и открытости сотрудничеству со всеми партнерами. Цель статьи – выяснить, какие политические, экономические, технологические и культурные инструменты используют США и Китай в ЦА и как это влияет на внешнеполитические приоритеты Узбекистана. При этом анализируются официальные документы Узбекистана (конституционные нормы о суверенитете, Стратегия внешней политики, заявления МИД и руководства страны), которые определяют «наиболее благоприятные условия» для проведения реформ и укрепления независимости. Методологически работа основана на сравнительном анализе (как внутри региона, так и на примере доктринальных заявлений), контент-анализе документов и обзорах экспертных публикаций.

Методология исследования. В исследовании применялся комплексный подход: анализ официальных текстов внешнеполитических стратегий Узбекистана (конституция, «Стратегия внешней политики», доктрина Президента) и материалов МИД, а также изучение открытых аналитических источников (репортажи, экспертные эссе и отчеты международных организаций). Определены ключевые индикаторы влияния великих держав в ЦА по категориям: политическое участие (визиты лидеров, двусторонние декларации, форматы переговоров), экономические инвестиции (проекты «Нового шелкового пути», соглашения о разработке ресурсов, торговые инициативы) и технологическое присутствие (инфраструктура связи, цифровые сети, стандарты), а также социокультурное воздействие (образовательные и культурные программы, СМИ, языковая политика). Также выполнен сравнительный анализ с другими странами Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения) для понимания общей динамики и особенностей узбекского подхода.

Результаты исследования. Обе сверхдержавы считают ЦА важной сферой проекции своей политики. Со стороны США ключевым инструментом является формат C5+1 (США + пять республик ЦА), перезапущенный в 2021–2022 годах. На саммите C5+1 в 2023 г. США объявили о запуске диалога по критическим минералам, намереваясь уменьшить зависимость региона от КНР в горнодобыче [1]. В марте 2024 г. был проведен бизнес-форум

B5+1 в Алматы для углубления экономических связей. Как отмечают эксперты Атлантического совета, США активно предлагают своим центральноазиатским партнерам альтернативу китайским инициативам: например, поддерживают экспорт казахской нефти на западные рынки и вложения в возобновляемую энергетику Узбекистана, где уже присутствуют китайские проекты. В сфере безопасности американская сторона продолжает сотрудничать по борьбе с терроризмом и контролю границ (программы C5+1, поставки оборудования, обучение), стремясь снизить влияние России и КНР в военной сфере региона [1].

Китай же ставит упор на экономическую и инфраструктурную составляющие своего присутствия. Например, на сентябрьском саммите ШОС 2023 г. лидеры Казахстана подписали более 70 коммерческих соглашений с Китаем общей стоимостью примерно \$15 млрд (включая проекты в энергетике, нефтехимии, транспортных коридорах и цифровых технологиях) [2]. Договоренность о строительстве магистральной железной дороги Китай–Киргизия–Узбекистан (проект стоимостью \$6 млрд, строительство которого началось в июле 2024 года) призвана обеспечить короткий «евразийский коридор» от Китая к Европе и упрочить торговую связность региона [2]. В сентябре 2023 г. Узбекистан объявил о заключении 13 новых горнорудных контрактов с Китаем (включая урановые месторождения) на сумму около \$5 млрд [2]. Все эти примеры свидетельствуют о масштабной экономической экспансии Пекина. Политически Китай также активен: министр иностранных дел Ван И в конце 2023 года провел турне по странам ЦА, подчеркивая «традиционное дружелюбие» и наращивание «высококачественного сотрудничества в рамках BRI» [2].

Узбекистан при этом официально провозглашает многовекторность и конструктивизм. Конституция и внешнеполитическая стратегия республики закрепляют принципы суверенитета, политического плюрализма и неприсоединения к военным блокам [3]. В доктрине Мирзиёева («Центральная Азия – 2040») особое внимание уделено «нулю проблем с соседями», а также принципам открытости, прагматизма и учета интересов партнёров [3]. В официальной риторике подчёркивается, что Узбекистан стремится «создать зону мира и добрососедства вокруг своей территории» и строить взаимоотношения «на равноправии, взаимном уважении и доверии» [3]. В частности, Узбекистан объявил КНР «ключевым стратегическим партнером» и намерен реализацию совместных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь» выдвинуть в число приоритетов своей внешней политики. Одновременно Ташкент определил США стратегическим партнером, ориентируясь на расширение сотрудничества «в политической, торгово-экономической, инвестиционной, технологической, культурной и гуманитарной сферах».

Таким образом, Ташкент последовательно заявляет о расширении связей и с Вашингтоном, и с Пекином, сохраняя при этом внешнеполитическую «открытость» и непринадлежность к чьей-либо орбите [3].

Между тем в экспертной среде отмечается, что все центральноазиатские государства проводят «многовекторную» дипломатию, стремясь избежать чрезмерной зависимости ни от России, ни от Китая [4]. Например, Казахстан сохраняет нейтралитет в отношении украинского кризиса и диверсифицирует рынки экспорта нефти, а Узбекистан наращивает поставки природного газа в Туркмению и Китай, но одновременно поддерживает диалог с Европой. В такой обстановке важным остается баланс: США пытаются расширять связи по целому спектру вопросов (включая безопасность Афганистана и противодействие угрозам), в то время как Китай укрепляет экономический контроль (через инфраструктурные проекты и инвестиции). Узбекистан рассматривает эти тенденции как вызовы и возможности одновременно: задача страны – извлекать пользу из инвестиционно-финансовой активности обеих держав, не уступая при этом суверенные позиции и не допуская внешнего доминирования.

Экономический компонент противостояния США и Китая в ЦА проявляется прежде всего через крупные инфраструктурные проекты и инвестиционные программы. Китай усиливает позиции через инициативу «Пояс и путь»: помимо железной дороги КР – Казахстан - Узбекистан, в 2022–2025 гг. велись переговоры о создании транспортного коридора через регион (включая модернизацию железных и автодорог), а также о строительстве газопроводов (например, ТУРКЭС на юге Узбекистана) и энергетических объектов в Центральной Азии. В 2024 г. на саммитах с участием лидеров ЦА были подписаны китайские инвестиционные соглашения в нефтегазовом, горнодобывающем и логистическом секторах Центральной Азии [5]. Например, Астана привлекла \$15 млрд в проекты по добыче и транспортировке нефти и газа, нефтехимии и цифровым технологиям с китайскими партнерами. Узбекистан заявил о 13 новых сделках с китайскими компаниями в горнодобыче на сумму порядка \$5 млрд [5], среди которых разработка медных и урановых месторождений. Китайские фирмы уже доминируют в горнодобыче Таджикистана и разворачивают строительство газовых и золотодобывающих предприятий в Киргизии. Таким образом, Китай не только финансирует инфраструктурные коридоры, но и активно охотится за природными ресурсами региона (медь, золото, редкоземы, уран), позиционируя себя ключевым партнером в долгосрочных инвестициях.

В свою очередь США делают акцент на диверсификации региональной экономики и поддержке «плюралистических» партнеров. В 2023 г. Ташкент и Вашингтон обсуждали возможности совместной работы над возобновляемой энергетикой и транспортными

проектами, как альтернативу китайским инициативам. Так, Американский совет по международным отношениям рекомендует инвестировать в возобновляемую энергетику Узбекистана (солнечные и ветровые станции), чтобы уменьшить влияние китайских компаний в этой сфере [6]. США прилагают усилия к активизации торговли: например, на саммите C5+1 в 2022–2023 гг. Вашингтон предлагал Казахстану и другим республикам помощь в выходе на мировые рынки нефти и газа помимо китайского и российского транзита. В рамках регионального энергетического проекта Power Central Asia (финансируемого USAID) США передали в январе 2023 г. Узбекистану современное оборудование стоимостью \$1,4 млн для улучшения диспетчеризации электроэнергетической системы. Это позволяет повышать стабильность сетей, расширять трансграничную торговлю электроэнергией и интегрировать возобновляемые источники (за счёт финансирования \$39 млн программы USAID, через которую уже привлечено более \$2,2 млрд частных инвестиций в «чистую» энергетику ЦА)[7] Кроме того, в рамках стратегического партнерства Узбекистан с США заключил соглашения о закупке техники для добычи и переработки природных ресурсов – к примеру, американская компания Boeing в 2023 г. поставила Узбекистану самолеты на сумму \$8,5 млрд, что является частью усилий США по развитию гражданской авиации Узбекистана.

С точки зрения торговли, объёмы коммерческого обмена Китая с ЦА значительно превышают американские. В 2024 г. товарооборот КНР с пятью центральноазиатскими странами достиг рекордных показателей (по отдельным оценкам, \$95 млрд)[6] В ответ США открывают новые торговые и инвестиционные каналы: активизируется работа Торговой палаты США – Узбекистан (AmCham Uzbekistan), расширяются возможности экспорта товаров из Узбекистана через программы C5+1. Важным шагом стало введение в 2022 г. 30-дневного безвизового режима для граждан США и Узбекистана, что стимулирует деловые контакты (отмечено на бизнес-форуме в Китае, организованном узбекским консульством в Гуанчжоу)[8]. Таким образом, в экономической сфере соперничество проявляется в попытках Китая «дорогим» инфраструктурным проектом увеличить свою долю в региональной экономике, а США – в создании альянсов и программ, противодействующих этой зависимости через диверсификацию торговли и инвестиций [8]. В технологической сфере Центральная Азия становится полем противостояния моделей развития «цифрового пространства». Китай реализует в регионе проект «Цифровой Шелковый путь» (Digital Silk Road), поставляя информационно-коммуникационные технологии (5G-оборудование Huawei и ZTE), системы электронного управления (Smart Cities) и связи. По данным аналитиков, китайские компании глубоко проникли в различные сегменты цифровой инфраструктуры Казахстана, Киргизии и Узбекистана: от операторов

связи до дата-центров. В результате, отмечается, «цифровой ландшафт Центральной Азии тихо трансформируется под влиянием Китая» [7]. Китай влияет не только оборудованием, но и «регуляторными стандартами»: правительства региона в ряде случаев адаптируют китайские нормы кибербезопасности и авторитарного онлайн-контроля. Это создает в технологическом секторе «стратегические зависимости от Пекина» [8].

США и Евросоюз, в свою очередь, пытаются предложить альтернативные решения. Например, западные эксперты рекомендуют продвигать в ЦА технологии с открытыми стандартами (Open RAN) для разрыва зависимости от китайского сетевого оборудования и поддерживать участие западных фирм в прокладке «Срединного коридора» (интернет и телеком через регион в Европу). Также предпринимаются попытки совместно с местными властями развивать стандарты кибербезопасности и прозрачности, а программы обмена опытом по цифровому управлению и борьбе с информационными угрозами могут быть расширены. Однако авторы исследований отмечают, что западные компании сталкиваются в регионе с препятствиями (небольшой рынок, жёсткие регуляции, языковые барьеры), что ограничивает их возможности конкурировать с Китаем [8].

Культурное влияние Китая в Центральной Азии подкрепляется сетью образовательных программ и медиа-проектов. В регионе работают Институты Конфуция при местных вузах – ключевой канал китайской «мягкой силы». К 2019 г. в странах ЦА было 13 институтов Конфуция (из них 2 в Узбекистане) а китайский язык стал вторым по популярности иностранным языком после английского среди молодежи ЦАг. Китайские стипендии и программы обмена привлекают студентов из Узбекистана и соседей: в 2018 году Казахстан занимал 10-е место в мире по числу студентов, обучавшихся в Китае (~11,8 тыс. чел.), и Узбекистан традиционно входит в десятку стран с большим потоком обучающихся в КНР [9]. Китайские власти организуют также культурные фестивали, выставки, информационные туры для журналистов, чтобы улучшить имидж Пекина и продемонстрировать «дружеское партнерство» с республиками ЦА [10]. При этом эксперты отмечают ограничения такого влияния: хотя китайская культура интересна многим молодым центральноазиатцам, языковой барьер и высокий порог владения китайским снижают эффект, а рост антикитайских настроений (в ответ на проекты с привлечением китайских мигрантов и СМИ) ставит Пекину задачи удержания позитивного образа.

США осуществляют в Узбекистане культурные и образовательные проекты в рамках программ «мягкой силы». Посольство США и различные НПО продвигают английский язык и гражданское образование: действуют программы Фулбрайта для студентов и преподавателей, программы обмена учителями, проект «Центр русского языка и культуры» (до 2022 г.), Медиа-программа Центральной Азии и другие проекты информационной

грамотности. Американские фонды помогают развитию гражданского общества, финансируют проекты журналистских расследований и поддержку независимых СМИ (например, через USAID). Студенты из Узбекистана получают гранты на обучение в США (по линии Государственного департамента и частных учреждений), что укрепляет связи на уровне «людей». В отличие от Китая, США не имеют аналогов конфуцианских институтов, но стараются привлекать узбекскую молодежь через стипендии, семинары и культурные обмены. Стимулирование англоязычной образовательной среды и программ обмена ставится эксперты как задача для противодействия доминированию российского и китайского влияния [11]. Однако на практике американские культурные инициативы в Узбекистане уступают масштабу китайских: до недавнего времени США не имели в стране государственного культурного центра (в отличие от России или Китая) и полагаются главным образом на образовательные гранты и взаимодействие с местными вузами.

Обсуждение. Полученные результаты указывают на то, что геополитическое соперничество между США и Китаем в Центральной Азии затрагивает широкий спектр сфер, но отражается на приоритетах Узбекистана главным образом через два направления: необходимость сохранения многовекторности внешней политики и потребность в максимизации собственных выгод при одновременной защите суверенитета. Внутриполитически узбекское руководство провозглашает курс на сохранение независимости решений и недопущение чужого военного присутствия: «главная цель внешней политики – укрепление независимости и суверенитета», – говорится в официальных стратегических установках. В соответствии с этим Узбекистан избегает вступления в военные союзы или базы и стремится рассматривать США и Китай не как противоборствующие силы, а как потенциальных партнеров по отдельным направлениям. На региональном уровне одним из ключевых вызовов является сохранение стабильности. Узбекистан признаёт, что благосостояние страны зависит от урегулирования всех региональных проблем «путем совместной работы», поэтому он делает ставку на развитие сотрудничества со всеми соседями и привлечению международных игроков для обеспечения безопасности (в том числе – мирное завершение ситуаций в Афганистане) [11]. В этой связи усиление влияния США и Китая расценивается Ташкентом как дополнительный фактор: если с одной стороны уравнивание внешних сил может укрепить региональную независимость (США предлагают альтернативу России и Китаю, как это отмечает Атлантический совет [12]), то с другой – есть риск разжигания новых конкуренций. Так, отмечено, что «некоторые силы в регионе провоцировали соперничество и конкуренцию» между странами и спекулировали «общим историческим наследием», что ослабляло единство региональных интересов [13]. Узбекистан поэтому ориентирован на

поддержание «нулевого противостояния» и выполнение принципов мирного урегулирования всех споров. В социально-экономической сфере Узбекистан старается использовать конкуренцию великих держав для своих целей. Привлечение китайских инвестиций в инфраструктуру помогает запускать новые проекты (например, транспортные коридоры и энергообъекты), однако власти подчёркивают, что безопасность инвестиций и соблюдение национальных интересов являются приоритетом. В официальных заявлениях МИД Узбекистана неоднократно указывается, что необходимо «вовлечение передовых технологий и инвестиций в приоритетные сферы», но при этом «соблюдение международных обязательств в интересах страны». Например, при сотрудничестве по «Поясу и пути» узбекская сторона подчёркивает, что «своевременная и полная реализация ранее достигнутых соглашений» и «развитие торгово-экономического сотрудничества» находятся под общественным контролем. С экономической точки зрения страны региона конкуренция предоставляет и возможности, и вызовы: Узбекистан продолжает диверсифицировать свои торговые связи (например, расширяя сотрудничество с ЕС и странами Персидского залива), но ему придется учитывать возрастающее влияние КНР на ключевые отрасли. В технологической сфере узбекское руководство признает, что отказ от западных решений (из-за малых объемов рынка или невысокой конкуренции) может привести к доминированию китайской ИТ-инфраструктуры. По экспертным оценкам, Китай уже поставляет в Узбекистан сетевое оборудование и программное обеспечение для «умных городов» и 5G-сетей, а западным компаниям сложно заменить их без значительных инвестиций и реформ. Узбекистану необходимо сбалансировать это за счет укрепления собственных технологических возможностей (например, поддержка местных ИТ-компаний) и сотрудничества с разнообразными партнерами.

В культурном и гуманитарном аспектах конкуренция США и Китая выражается через «мягкую силу». Китай активно вкладывается в образование и языковую подготовку (конфуцианские институты, стажировки), тогда как США – в гражданское общество и образовательные программы. Узбекистан официально приветствует оба направления: с одной стороны, расширяется изучение английского языка (в вузах начинают появляться английские потоки, увеличивается число программ обмена с Западом), с другой – растет число желающих учиться в Китае. Как показывают опросы, узбекская молодежь рассматривает китайский язык как средство карьерного роста, однако сохраняет интерес к Западу (в частности, к европейским языкам). Таким образом, культурное присутствие обоих больших игроков ощущается в обществе, но при этом узбекские политики подчёркивают, что любые культурные инициативы должны идти «в духе взаимоуважения и учёта национальных интересов»[14]. Сравнительный анализ с другими странами ЦА показывает

общий тренд: Казахстан и Кыргызстан в большей степени полагаются на китайские инвестиции (и при этом сталкиваются с локальными протестами по поводу китайских мигрантов), Таджикистан – на китайские ресурсы, Туркмения – на энергетику в обмен на рынки сбыта. Узбекистан же держится «посередине»: он не вступил в антитурецкий военно-политический блок (ОДКБ) и избегает официальных военных союзов, но при этом активно развивает экономические отношения и с Россией (договоры 2004–2022 гг.), и с Китаем, и с СШАgov.uz. Такая гибридная стратегия позволяет Ташкенту формулировать собственные правила игры, хотя со временем придется уточнять и корректировать баланс в зависимости от международных обстоятельств (например, от развития ситуации в Афганистане или экономической конъюнктуры).

Заключение. Конкуренция США и Китая в Центральной Азии становится одним из определяющих факторов внешнеполитической динамики региона в 2022–2025 гг. Изучение ее проявлений и влияния на Узбекистан показывает, что страна продолжает курс на укрепление независимости и проведение прагматичной политики многостороннего сотрудничества. Основной приоритет – стабильность в Центральной Азии и «нулевые проблемы» с соседями. Узбекистан стремится использовать положительные аспекты глобального соперничества (доступ к финансам, технологиям, рынкам), одновременно принимая меры против угроз внешнего доминирования. Реализация этого подхода предполагает диверсификацию экономического партнёрства, усиление национальной конкурентоспособности (развитие энергообеспечения, цифровой экономики, обработки ресурсов), а также укрепление гражданского и институционального потенциала.

В то же время остаются вызовы. Рост китайских инвестиций сопровождается риском долговых обязательств и политического влияния, которые требуют тщательной проработки на законодательном уровне. Усиление американского присутствия нацелено на противодействие «российско-китайской оси», что в некоторых вопросах может ставить Узбекистан перед дилеммой поддержания нейтралитета. В таких условиях Ташкенту критически важно продолжать политику «сбалансированного партнёрства», укрепляя международно-правовые гарантии своей независимости (как это закреплено в Конституции и стратегиях страны). Подытоживая, можно отметить, что узбекская внешняя политика в настоящее время ориентирована на сохранение конструктивного диалога со всеми ключевыми игроками – США, Китаем, Россией и другими – в соответствии с принципами невмешательства, уважения суверенитета и равноправия. Следующим шагом представляется углубление регионального сотрудничества в рамках центральноазиатского формата (ЦА+), расширение общих инфраструктурных и гуманитарных проектов и усиление внутренней готовности к внешним вызовам (в том числе через модернизацию

экономики и укрепление правового поля). Такая политика позволит Узбекистану максимально эффективно использовать возможности глобального соперничества великих держав, минимизируя связанные с ним риски.

Список использованных источников:

[1] Gfoeller T. How the US should partner with Central Asian states to avoid Russia-China dominance [Электронный ресурс] // Atlantic Council, New Atlanticist. – 2025. 21 октября. – Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/partner-with-central-asian-states-to-avoid-russia-china-dominance/> (дата обращения: 10.12.2025).

[2] China–Central Asia trade reaches record level // The Astana Times. – 2023. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://astanatimes.com> (дата обращения: 22.12.2025).

[3] Central Asia’s strategic re-emergence in global geopolitics // Geopolitical Monitor. – 2023. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.geopoliticalmonitor.com> (дата обращения: 22.12.2025).

[4] Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 352 p.

[5] Rolland N. China’s Eurasian ambitions and the Belt and Road Initiative // Journal of Eurasian Studies. – 2020. – Vol. 11, № 2. – P. 123–135.

[6] Creswell J. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. – 4th ed. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2014. – 304 p.

[7] C5+1 Leaders’ Joint Statement // The White House. – 21 September 2023. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://bidenwhitehouse.archives.gov> (дата обращения: 20.12.2025).

[8] Power Central Asia: Regional Energy Integration Program // USAID. – 2023. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.usaid.gov> (дата обращения: 20.12.2025).

[9] Blinken’s visit to Central Asia and U.S. policy priorities // Voice of America. – 2023. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.voanews.com> (дата обращения: 19.12.2025).

[10] U.S.–Central Asia cooperation on critical minerals // U.S. Department of State. – 2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.state.gov> (дата обращения: 19.12.2025).

[11] U.S. diplomatic engagement in Central Asia // The Times of Central Asia. – 2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://timesca.com> (дата обращения: 18.12.2025).

[12] China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway project and regional connectivity // CACI Analyst. – 2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org> (дата обращения: 18.12.2025).

[13] Belt and Road infrastructure expansion in Central Asia // The Astana Times. – 2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://astanatimes.com> (дата обращения: 18.12.2025).

[14] Digital Silk Road and China's technological influence in Central Asia // China Global South Project. – 2025. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://chinaglobalsouth.com> (дата обращения: 17.12.2025).